

Сяргей Шапран

...творы треба судзіць па законах,
выбраных пісьменьнікам...

«Аперацыя «Круглянскі мост»»

Старонкі кнігі «Васіль Быкаў. Гісторыя жыцця ў дакументах, публікацыях, успамінах, лістах»

Выступіць у абарону Васіля Быкава амаль нікому не дазваляць. Як сьведчыў Аляксей Кандратовіч, адказаць Мацяшову на старонках «Літаратурнай газеты» пажадаў, у прыватнасці, Грыгорый Бакланаў. Пра гэта паведамляе Быкаву і Твардоўскі: «Г. Бакланов собирается отвечать Мотяшову, вернее, не ему отвечать, а кое-что разъяснить читателю на страницах «Л. Г.» Что из этого выйдет, не знаю»¹. Аб тым жа зробіць запіс у дзённіку і Кандратовіч:

«15/VII—69 г.

Пошел разговор о журнале. Солженицын сказал, что он за последнее время прочитал 22 номера. А. Т. пошутил: «А ведь раньше совсем не читал». Солженицын серьезно: «Я два года был так занят работой, что ничего вообще не читал. Теперь я дошел уже до третьего номера. Прочитал Быкова. Это большая удача. Он так серьезно ставит нрав-

*Працяг.
Пачатак
у № 6 (25),
і №1-3 (26-28).
Часопісны
варыянт.*

¹ДМГБЛ. КП 10735/792.

ственные вопросы, что я подивился. По-моему, это лучшая его вещь». [«Круглянский мост». — С. Ш.]

А. Т. тоже сказал обрадованно: Он совершенно заново пишет о партизанах, так, как не писали даже сами партизаны. И после него тоже уже нельзя по-старому писать о партизанах. Дорош рассказал, что не так давно ему принес документальную повесть корреспондент «Правды» Когинов, где та же самая ситуация и тоже погибает мальчик, только уже в Брянских лесах.

Солженицын: Может быть, Быков именно этот случай и взял.

А. Т.: Нет, это ситуация характерная. Дело в том, что партизаны широко использовали детей — для разведки и прочего, так как дети вызывают меньше подозрений. Быков взял ситуацию характерную, но разработал ее по-своему.

Тут же зашел разговор о недавней рецензии Мотяшова в «Л. г.», где с поразительным цинизмом черное выдается за белое. Бритвин за героя.

А. Т.: Такой человек, как Бакланов, вы его немного знаете (Солженицын кивнул головой: «Да, да...»), обратился в «Л. г.» с предложением написать иную статью. Сначала ему морочили голову, а потом доверительно, этак по-дружески сказали: «Мы получили уже много писем, в которых читатели осуждают статью Мотяшова. Если мы напечатаем вашу статью, снова пойдут письма, нам придется давать третью статью. (А почему?) Лучше уж мы не будем продолжать спор». Смотрите, как все цинично. Обругать несправедливо — обругали, а теперь уже не хотят ничего делать. Удивительно»¹.

Сам же Бакланаў напіша Быкаву:

«Прочел я тогда статью Мотяшова, и так меня что-то зло взяло! Ведь пишет черным по белому: все средства хороши, лишь бы достичь цели. И чего, мол, там детей жалеть, лучше я себя пожалею, я ведь Родине нужен, а ребенка пусть стреляют... Вот так всенародно раздевается и пляшет голый.

Я, конечно, понимал, что «Литературка» не печатает статью, но все же попытался, пошел свои услуги предложить, поговорил с замами, ибо редактор в творческом отпуске. Для приличия несколько дней что-то они обдумывали, потом сказали, что не будут разворачивать дискуссию, м[ожет] б[ыть], напечатают письма («Во что я лично не верю», — сказал тут же Тертерян). И напечатали в изложении того же Мотяшова. Крутится он, как уж под вилами. Жалко, гадко. Оказалось, что он даже любит и ценит твой талант... [...]

Пишу я тебе это письмо для того, чтобы сказать, что я горжусь твоей дружбой. Конечно, лучше было бы на страницах газеты поговорить обстоятельно и серьезно, да что сделаешь...»².

Цяпер Грыгорый Якаўлевіч прыгадвае: «Я действительно нигде не мог договориться, чтобы что-либо напечатать об этой вещи Быкова. Ведь и его, и всех нас в то время упрекали за «окопную правду». Я же не был, что называется, в должностях и поэтому, когда, например, однажды собрался к Шауре [гэта адбылося ўжо ў сярэдзіне 70-х. — С. Ш.], я же не мог просто так позвонить и пойти, — нет, я добивался этого. И добился — Шауро принял меня. Но я по наивности своей думал, что Шауро — земляк Василя, значит, должен понимать, что Быков — это гордость Беларуси, и должен заступиться!.. Шел же я тогда говорить о Быкове и Адамовиче... Когда говорил о Василе, Шауро помалкивал, а как только завел речь об Адамовиче, он вдруг резко сказал: «Я этому человеку не верю!» Так что о Быкове я не только писал, но и не раз говорил с начальством разных степеней, пытаюсь не то что защитить его, а просто вложить в эти тупые головы сознание того, что

¹ Кондратович А. Новомирский дневник (1967—1970). М.: Советский писатель, 1991. С. 420—421..

такой Василь Быков, с кем они имеют дело!.. Но в то же время настоящую литературу вообще топтали как могли».

У «Литературной газете» сапраўды быў надрукаваны толькі агляд лістоў чытачоў, падрыхтаваны тым жа Мацяшовым:

«Оценки повести весьма разноречивы. Одним читателям нравится «Круглянский мост», который они характеризуют как «свежую, интересную и глубоко правдивую книгу о наших сверстниках и современниках». Другие не менее убежденно утверждают, что «Круглянский мост» неудачен. [...]

Нередко различие точек зрения, несоответствие оценок определяются оппонентом в формуле «разносная критика». Именно эта категоричная формула присутствует в письме московского инженера А. Фрадкина. К сожалению, столь одностороннее, мягко говоря, прочтение моей рецензии ощущается и в отклике нескольких бывших белорусских партизан — тт. Лисицын, Телегуев, Дюжин, Файнгелеринт увидели в статье «болезненно взвинченное нравоучение»; автор ее, «по существу, возрождает давно отвергнутую пресловутую теорию бесконфликтности», навязывает повести «свою собственную концепцию, прибегая, таким образом, к недостойному приему в критике».

Мне хочется остановиться на этих высказываниях. И вот почему: бывает [...] такое наивно-прагматическое отношение к критике, при котором любая попытка вскрыть органическое противоречие в идейно-художественной ткани произведения встречается только как «разнос». Меж тем любовь и уважение к таланту не исключают, а необходимо предполагают самый пристальный и требовательный анализ как его сильных, так и его слабых сторон. Лично мне как критику и читателю дорого реалистическое дарование Быкова-прозаика.

При чтении повести у меня возникло ощущение надуманности ее конфликта [...]. Моя аргументация могла убедить, могла вызвать и несогласие. Но уж ни в коем случае нельзя было бы предположить, что критик вообще отвергает конфликт как движущую пружину произведения и стремится навязать писателю «пресловутую теорию бесконфликтности». [...] Более того, я готов согласиться с утверждением авторов письма, белорусских партизан, что в их «среде были, к сожалению, не только безупречные и кристально чистые партизаны типа Степки Толкача, но и шкурники типа Бритвина, хвастливые, малодушные трусы и даже рвачи-стяжатели». Но что из этого следует? Только то, что факт, подобный описанному в «Круглянском мосте», имел или мог иметь место — не более. Но сам факт существования тех или иных отрицательных явлений, будучи назван в произведении, еще не становится фактом искусства. Фактом искусства он становится тогда, когда художественно осмыслен в неразрывной цепи других фактов и явлений. «Задача художественной литературы, — верно пишут авторы письма, — возвеличивая партизанское движение в целом, показать и эти неприятные для нас стороны реальной действительности, черпая в них примеры для острых сюжетов и подлинных конфликтов...» Наш спор начинается с того момента, когда авторы письма верные в общем плане умозаключения переносят на «Круглянский мост». Они считают, что, изобразив конфликт Степки Толкача и Бритвина, «как это и сделал в своей повести белорусский писатель Василь Быков, автор возвеличил «партизанское движение в целом». Я думаю, что как раз последнее писателю и не удалось. [...]

«Зачем понадобилось И. Мотяшову брать под защиту Бритвина, виновника гибели Мити и страданий Степки? — спрашивают тт. Файнгелеринт, Дюжин и др. «В глазах И. Мотяшова Бритвин, так резко отрицательно описанный Быковым, предстает чуть ли не положительным героем...», — пишет в своем письме А. Фрадкин. А геолог Ф. Каминский, приславший письмо из поселка Чанда Якутской АССР, идет еще дальше, выражая сожаление, что «Литературная газета» «предоставила трибуну критики человеку, занимающему позицию оправдания подлости». [...]

Еще раз повторю: я не оправдываю Бритвина, не пытаюсь из него делать героя жизни. Это было бы противоестественно и нелепо. Речь идет о противоречии между авторской оценкой этого персонажа и объективным содержанием образа.

Ненависть к Бритвину, вызванная в читателях автором повести, такова, что военнотолкающий из Львова А. Захаренко, среди многих прочих обвинений, пытается возложить на Бритвина ответственность и за смерть Маслакова. «Кто-кто, а он (Бритвин. — И. М.) понимал, — пишет А. Захаренко, — на что шел по своей неопытности Маслаков. Понимал и не попытался всерьез воспрепятствовать этому». Однако разве рядовой подрывник имел право приказывать командиру группы? Напротив, в этой ситуации более всего удивляет поведение Маслакова, воспринимающего как должное анархический «бунт» Бритвина и Шпака, отказавшихся последовать за ним на мост. Выходит, не автор рецензии берет «под защиту» Бритвина, а сам автор повести. Но автор же повести и разоблачает Бритвина как человека совершенно аморального. Быков-реалист спорит с Быковым-моралистом. На это противоречие я и обращал внимание в своей рецензии. Природу этого противоречия можно толковать двояко. Я склонен думать, что оно — в субъективизме писателя. [...]

В конце концов реализм допускает утверждение положительного идеала не только его прямым изображением. Главная беда в том, что при таком способе разрешения конфликта, какой избирает в этой повести В. Быков, невольно опорочиваются и сами эти свойства. Правильная в общем-то мысль о том, что пользу может приносить и подлец и шкурник по натуре, неожиданно оборачивается прямой и в корне неверной своей противоположностью, что только шкурник и подлец и может приносить пользу. [...]¹.

Пра гэты новы опус Быкаў напіша Твардоўскаму: «...оправдание И. Мотяшова — действительно, сплошная жалость»². «Основные положения двух выступлений И. Мотяшова не раз затем оспаривались также критиками и писателями. А. Овчаренко справедливо писал, что «не может быть оправдания таким, как Бритвин и поддерживающий его Данила Шпак», «не абстрактная правда, а совершенно конкретная правда нашей честности и чистоты на стороне Степки», «в нашем великом деле борьбы против фашизма нет другого критерия, кроме справедливости, чистой, беспримесной» (Овчаренко А. Современный белорусский роман. М.: Изд. МГУ, 1971. С. 51)³. Вельмі слушную заўвагу зробіць пазней і М. Тычына: «Так, у аповесці «Круглянскі мост» аўтар сьвядома выводзіць на авансэну не настаўніка Ляховіча і не камбрыга Прэабражэнскага, якія ў бязвыпадных умовах зьдзейсьнілі ўсё, што змаглі, «каб па сумленню было», а юнага партызана Сьцёпку Тоўкача, які падзьвіг гэтых людзей успрымае адназначна як неабвержны маральны імператыў, і цыніка-прагматыка Брытвіна, які іранічна ацэньвае ўчынак Прэабражэнскага: «Сердабольны камбрыг». У драматычным канфлікце гэтых персанажаў выявілася нешта большае, чым звычайная сутычка людзей розных характараў і тэмпераментаў. Нездарма апалагетычная крытыка так заўзята апраўдвала менавіта Брытвіна, які выканаў загад цаною жыцьця вясковага падлетка Міці, называючы яго ўчынак мэтазгодным з пункту погляду ваеннай стратэгіі і тым самым апраўдваючы антыгуманнасьць многіх і многіх падобных учынкаў самага рознага маштабу»⁴. Што датычыцца крытыкі, дык справядліва напіша і В. Буран: «В. Быкаву важна ня так натуралістычная адпаведнасьць намалёванай ім карціны прымітыўна зразумелай праўдзе рэчаіснасьці, як здольнасьць гэтай карціны

¹ Мотяшов И. Логика жизни и эмоции: Еще о повести В. Быкова «Круглянский мост», и не только о ней // Литературная газета. 1969. 24 сент.

² 3 ліста ад 25 верас. 1969 г. Хатні архіў А. Твардоўскага.

³ Лазарев Л. Василь Быков: Очерк творчества. М.: Художественная литература, 1979. С. 111.

⁴ Тычына М. Адна праўда застанецца. С. 17.

падштурхнуць чытача да самастойнага даследавання і асэнсавання глыбіннай сутнасці нейкай вельмі важнай ісціны. Письменьнік — гэта ж ня толькі летапісец эпохі, але і яе філосаф, прапагандыст ідэй, змагар за няспынны і безумоўны сацыяльны прагрэс; яму трэба, каб яго думкі, яго адкрыцці знаходзілі водгук у іншых людзей. І тут мала аднаго дакументалізму, праўды жыццёвага факта, патрэбна яшчэ вастрыня аналітычнай думкі, глыбіня філасофскага абагульнення, здольныя нацэліць чалавека на высокае і добрае. Тут магчымы розныя пошукі формы, рознае завастрэнне ідэй, у тым ліку і такое, як у «партызанскім» цыкле В. Быкава. Вось чаму нельга пагадзіцца з тымі крытыкамі «Круглянскага моста» (І. Казлоў, А. Бачароў), якія, прызнаючы многія вартасці гэтага твора, папракаюць аўтара за «абстрактную» пастаноўку праблемы»¹.

Аднак усе гэтыя разгляды творчасці пісьменьніка зьявляцца нашмат пазней. У той жа час абараніць быкаўскую аповесць публічна сапраўды нікому не дазваляць, хоць чытачы пісалі ў рэдакцыі часопісаў і газетаў не адзін год, але ў друку зьяўляліся зусім іншыя меркаванні:

Уважаемые товарищи!

Глубокая обида за мужественных, смелых и преданных Родине людей — моих боевых друзей-партизан, за живых и погибших в боях смертью храбрых, за все истинно народное партизанское движение, организованное и возглавленное партией в годы Великой Отечественной войны, заставила меня обратиться к вам с письмом. [...]

...От «Круглянского моста» за версту тянет дремучим незнанием и непониманием партизанской действительности.

Я не буду останавливать ваше внимание на мелких погрешностях и неточных деталях, щедро рассыпанных по страницам повести, хотя и они лишний раз убеждают: автор не дал себе труда по-настоящему вникнуть в предмет, о котором взялся писать. [...]

Василь Быков не указывает времени, в которое происходит действие его повести. Однако по косвенным признакам нетрудно догадаться, что речь в ней идет о весне сорок третьего года, то есть о том периоде, когда партизанское движение приобрело характер всенародной войны в тылу врага, а отряды и соединения накопили немалый опыт ведения боевых операций.

К этому времени структура партизанских формирований приобрела ярко выраженную специализацию, как и полагается в любой воинской единице, какими они, по существу, являлись. В бригадах и соединениях появились подразделения артиллеристов, пулеметчиков, разведчиков, подрывников-диверсантов. И каждый из них, к сведению Василя Быкова, занимался своим делом: артиллеристы стреляли из пушек, пулеметчики — из пулеметов, разведчики ходили в разведку, подрывники — на диверсию. [...] Без взаимной поддержки и выручки, без дружбы и товарищества всякая диверсионная операция обречена на провал. Командир группы должен быть уверен в своих подчиненных. Подчиненные — в своем командире.

Эту первейшую партизанскую заповедь Василь Быков нарушает с первых же строк повести. Его командир Маслаков формирует свою группу, собирая ее с бору да с сосенки. Данила Шпак «из взвода Метелкина», проштрафившийся командир роты Бритвин, Степка Толкач из хозяйственного подразделения. Правда, как утверждает В. Быков, у Степки есть опыт подрывника. [...] Но в таком случае непонятно, почему человек, обладающий столь дефицитной партизанской профессией, оказался вдруг в хозяйственном подразделении. [...]

Но вернемся к диверсионной группе Маслакова. Еще до выхода ее на задание читателю становится ясно, что и Бритвин и Данила Шпак — отпетые негодяи, карьеристы и выжиги. [...] И тот и другой — типичные выродки, представляющие собой явление крайне редкое в партизанских рядах. Ведь в партизаны люди шли сугубо добровольно, по велению сердца и совести, партийного, комсомольского, гражданс-

кого долга. Уже одно это служило надежным фильтром, сохраняющим чистоту партизанских рядов. [...]

Старый партизан, не новичок в бригаде, Маслаков не мог не знать, каковы Шпак и Бритвин. А если знал, почему же он без колебаний зачисляет их в свою группу, насчитывающую вместе с ним всего четырех человек? Судите сами, что это за группа. Двое — Шпак и Бритвин — заведомые прохвосты. Один — Степка Толкач — снискал себе дурную, увы, тоже никак не объясненную в повести славу разгильдяя. [...]

Да и сам Маслаков — годится ли он в командиры? Судя по повести, он не в состоянии выполнить самых элементарных командирских обязанностей: установить, например, порядок очередности переноски канистры с бензином. Никто из подчиненных, кроме Толкача — и тот лишь из чувства благодарности за то, что взял его из опостылевшей хозчасти, — не желает выполнять его приказания. [...]

Сложную боевую операцию — уничтожение моста — Маслаков рассматривает как эдакую небольшую прогулку. Между тем, судя по описаниям В. Быкова, даже круглянский деревянный мост, который, как это явствует из повести, был хоть и не мал, но не представлял особого военного значения, требовал к себе куда более зрелого отношения, чем то, которое проявил Маслаков. Прежде всего следовало отрядить для этой цели значительно большую единицу, состоявшую из двух частей — группы захвата моста и диверсионной группы, задача которой — поджечь его. За мостом следовало бы основательно понаблюдать, по меньшей мере сутки, ведь рядом вражеский гарнизон, в Круглянах, из которых мост виден как на ладони. Надо было дополнительно убедиться, есть ли охрана. И если она есть, установить ее численность, вооружение, расположение огневых точек, время смены часовых... [...] Ни единого из этих канонических партизанских правил Маслаков не выполнил.

Не лучшим командиром оказался и Бритвин, хоть он и кадровый старший лейтенант Советской Армии. Трусливый, жестокий и подозрительный человек, он, тем не менее, отпускает сына полицейского Митю в село за молоком, ставя под угрозу тем самым и тайну предстоящего взрыва моста, и собственную жизнь. Даже не выставив охраны, день и ночь палит огромные костры, несмотря на близость врага, и делает множество других промахов [...].

Можно было бы привести еще немало примеров нелепостей, нагроможденных в повести В. Быкова, но думаю, что сказанного достаточно, чтобы понять, насколько уродливо автор исказил партизанскую действительность. Для чего?

А. Ф. Федоров,
дважды Герой Советского Союза,
бывший секретарь Черниговского и Волынского
обкомов партии, командир партизанского соединения

Між іншым, рэакцыя Аляксандра Твардоўскага на падобныя лісты таксама вядомая — зноў жа з дзёньніка А. Кандратовіча:

«7/Х—69 г.

Позавчера в «Огоньке» напечатаны два письма партизан о повести Быкова «Круглянский мост». Письма тоже организованные, написанные плохими журналистами. «Нет, не встречали мы таких, как Бритвин, на нашей партизанской тропе», — пишет А. Ф. Федоров, дважды Герой. Стиль один чего стоит! А. Т. брезгливо отстранил журнал: «Нет, я это читать не буду!» Бережет себя, и это понятно. Но за обедом вдруг тяжело посмотрел на меня, так что хотелось глаза отвести, и сказал: «Да, значит, угомону на них нет». А какой угомон? Им запретили продолжать тот тур нападков на «Н. м.». Они замолкли. Но свое дело продолжают. А дело простое — внушать, внушать, внушать, что «Н. м.» публикует вредные, антипатриотические произведения. И внушат, если уже не внушили большинству читателей. А. Т. согласился с этим.

Я сказал, что неплохо бы вызвать Быкова, пусть напишет ответ, развеется в конце концов, в Гродно уже ему выбивала стекла всякая сволочь, сейчас тоже ему там нелегко. А. Т. промолчал, а когда я повторил это предложение, он встал и сказал: «Нет, это делать не нужно». — «Почему?» — «Бесполезно, А. И., ложь приняла такие размеры, что никакие доводы не подействуют. Вот вы говорите, что в статье сказано, что таких подонков, как Бритвин, в повести пруд пруди. А там всего 5 персонажей! Из них подонок один Бритвин. Но и это возражение не примут, никто не хочет принимать возражений».

Сказал он это устало. И его легко понять. Я тоже так устал, что иногда хочется кончить все»¹.

У сваю чаргу Веніамін Каверын напіша Быкаву:

[Без даты]

Дорогой Василий Владимирович,

пишу Вам не потому, что возмущен письмом, появившимся в «Огоньке» (я его и не читал, только слышал о нем), а потому что восхищен Вашей повестью «Круглянский мост» и давно собирался написать Вам о ней. Мне все думается, что у нас вот уже лет 10 как началась новая литература — не литература «служения» как прежде, а «служения правдой», и Ваша повесть — прямое тому доказательство. Кажется, Шкловский где-то писал, что «бытие определяет сознание, а совесть остается неустроенной». Вот над этим «устройством совести» и заставляет задуматься Ваша повесть. Сила ее не только в том, что Вы пишете о войне, как о трудном, мучительном деле, а не как о параде. И не только в том, что Вам отлично удалось персонажи, — так и должно быть в подлинной литературе. Но Вы неумолимо (и одновременно — точно) показали, *где правда*, — не с помощью доказательств, а с помощью логики чувств, скрытой и от самого героя. Вот и это прекрасно — то, что мы знаем его и понимаем глубже, чем он сам себя знает и понимает.

Словом, от всей души поздравляю Вас. Надеюсь, что Вы не обращаете внимания на «критику». Я приучил себя даже не читать эти статьи — и оказалось, что это совсем нетрудно.

Крепко жму Вашу руку и желаю здоровья и спокойной работы.

Ваш В. Каверин².

І Быкаў адкажа:

28 октября 1969 г.

Дорогой Вениамин Александрович!

Спасибо Вам за Ваше умное и дружеское письмо, получить которое мне было очень радостно. Вы правы: служение правдой — долг литературы, вот только беда в том, что во все времена для людей не было ничего более нежелательного, чем тревожащая их покой правда, которой они без колебания предпочитали усыпляющий дурман лжи. Реалистическое искусство ни в чем так не нуждается, как в правде, но в то же время ничто так дорого ему не обходилось, как эта самая правда. [...]

Я давно знаю и очень ценю Ваши книги, преклоняюсь пред Вашей принципиальностью в больших вопросах жизни. Теперь ко всему этому прибавляется еще и мое самое искреннее чувство благодарности за добрые и мудрые слова Вашего участия.

Дай бог Вам здоровья!

С уважением,

В. Быков³.

¹ Кондратович А. Новомирский дневник (1967-1970). С. 440-441.

² Каверин В. Письменный стол: Воспоминания и размышления. М.: Советский писатель, 1985. С. 247—248.

Лісты жчытачоў, якія выказвалі нязгоду з аўтарамі «Огонька», застануцца ў хатнім архіве аўтара «Круглянскага моста» — яны ніколі не будуць апублікаваныя:

В ОТДЕЛ ПИСЕМ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

г. Москва А—15, Бумажный проезд, 14

КОПИЯ: В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР», гор. Москва

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Высылаем Вам наш ответ на два письма бывших партизан Отечественной войны, опубликованных в сороковом номере журнала «Огонек».

Мы полагаем, что Вам удастся довести наш ответ до сведения читателей своего журнала или в отрицательном случае аргументировать свое нежелание продолжить полемику на равных началах. [...]

Мы, бывшие партизаны Великой Отечественной войны, прочитав в журнале «Огонек» [...] отзывы своих коллег по оружию [...] на повесть видного белорусского прозаика Василя Быкова «Круглянский мост», считаем своим долгом ответить авторам этих двух писем, что не разделяем их точки зрения, поскольку в основу их писем положены прежде всего интересы защиты «собственного мундира». Мы полагаем, что не согласится с их взглядами и основная масса народных мстителей, поскольку претензии А. Ф. Федорова и авторов коллективного письма надуманны, а попытки сгладить все отрицательное, что было в нашей партизанской среде, — дело не только бесполезное, но даже вредное.

Бритвины и Данилы, к сожалению, не выдумка белорусского писателя. Мы помним, например, комвзвода Виктора К. из бригады «Неуловимые», который был расстрелян руководством за хищение бригадных денежных средств. Нам лично приходилось участвовать в бою с группой партизан-мародеров из отряда «А», которая угнала деревенский скот из деревни Купровичи, где нашим партизанским комендантом был Вася Ананьев, обратившийся к нам за помощью.

На взорванной нами 23 марта 1944 года немецкий воинский эшелон на стрелках ж. д. станции Юратишки претендовали самозванцы сразу из нескольких диверсионных групп. Лишенные своей продовольственной и вещевой базы партизаны зачастую вынуждены были заниматься попрошайничеством и поборами, которые, став чем-то вроде нормы, достигли в войну невиданных до того времени масштабов. Поговорка «Спасибо этому дому, пойдем к другому» возникла именно в партизанской среде на оккупированной территории.

Тем не менее, мы любим свой штабной отряд бригады особого назначения «Неуловимые», где прошла наша боевая юность и в составе которого один из нас взорвал 22 немецких воинских эшелона, а второй четырнадцать и полоцкую нефтебазу, и не стыдимся говорить о его недостатках.

«...Народ слабый, ничтожный или состарившийся, изживший всю свою жизнь до невозможности идти вперед, — писал В. Г. Белинский в «Ответе «Москвитянину», — любит только хвалить себя и больше всего боится взглянуть на свои раны: он знает, что они смертельны, что его действительность не представляет ему ничего отрадного и что только в обмане самого себя может он находить те ложные утешения, до которых так падки слабые и дряхлые. [...]

А. Ф. Федоров и авторы коллективного письма также любят и свой отряд, и свою Родину. Но чувство это у них странно пугливо и половинчато.

«...Не исправить В. Быкову тот вред, не возместить тот ущерб, который он нанес делу патриотического воспитания нашей сегодняшней молодежи...» — отказывают они современной молодежи в способности самой разобраться, где лево, где право. В самом деле, если только одна книжка В. Быкова «Круглянский мост», написанная «уныло и серо», как утверждают авторы писем, способна нанести непоправимый вред нашей молодежи и делу воспитания ее, то чего тогда стоит это дело, а вместе с ним

сотни и тысячи других книг и книжонок, написанных, должно быть, весело и ярко. И не следует ли тогда С. Ваупшасову, А. Борисову и другим уважаемым боевым коллегам заняться прежде всего этим самым хромящим на обе ноги делом и яркими, но бесполезными книжками.

Допустим на время, что любовь товарищей С. Ваупшасова и коллег глубока и искренна. Они любят нашу молодежь и свою Родину самозабвенно, до болезненной крайности, не желая и слышать вокруг себя ни о каких недостатках. Такая любовь бывает, но к чему она приводит?

Представьте себе нежную, искренне любящую своего ребенка мать. Ребенок хорош и шаловлив. Но у этого ребенка наряду с хорошими качествами есть и дурные, на его здоровом теле есть и болячки, которые следует лечить. Но горячо любящая женщина и слышать не хочет о болячках [...]. Друзья и подруги советуют ей обратиться к врачу. Она же вместо того, чтоб поблагодарить близких, словно тигрица бросается на каждого, кто смеет приблизиться к ее чаду. Болезнь усугубляется, идет вглубь и в конце концов любимое дитя гибнет от патологической любви родной матери. Именно такова вторая крайность странной любви А. Ф. Федорова, С. Ваупшасова и др. товарищей.

Нельзя согласиться с утверждением бывших партизан и о том, будто заряд аммонита в 30—35 кг не в состоянии перебить перекрытие деревянного моста. Из опыта нам известно, что 400—500 грамм этой взрывчатки достаточно, чтобы перебить железнодорожный рельс.

Отвергая глубоко реалистическое произведение, масштабно выверенное правдой жизни и освещенное изнутри ярким светом самобытного таланта, группа партизан, предъявив художественному произведению требования мемуарной литературы, по существу пытается толкнуть всю художественную литературу на путь отвергнутой и осужденной пресловутой теории бесконфликтности, свойственной периоду культа личности.

Ратуя на словах за правое дело, группа ветеранов замахнулась на святое святых нашей Родины — свободу творчества и свободу мнений в нашей стране, то есть на составную часть той свободы, ради которой мы в пятнадцатилетнем возрасте шли с оружием в руках против немецких захватчиков.

В основе их идеологической концепции лежит ошибочное и уже знакомое нам утверждение, что воспитание молодежи возложено лишь на идеальных примерах положительного. Сознательно или бессознательно они тем самым льют воду на мельницу враждебной идеологии, толкая всю советскую литературу по губительному пути постепенного вырождения.

Не «обиды», как пишет А. Ф. Федоров и не «удивление и возмущение», как пишут авторы второго письма, заставило нас взяться за перо, а та опасность, которая угрожает советской партизанской литературе от незрелых рекомендаций и ложного понятия патриотизма.

Бывшие юные партизаны бригады особого назначения «Неуловимые» —

П. Лисицын, В. Титов.

Замкомбрига партизанской бригады им. Жукова по разведке — *К. Е. Антипенко.*

Начштаба диверсионного отряда им. А. Невского партизанской бригады им. Ворошилова — *С. А. Варламов.*

3 ноября 1969 г.¹

[Без даты]

ОПЕРАЦИЯ «КРУГЛЯНСКИЙ МОСТ»

[...] Авторитарное мышление. Боязнь усомниться. Во что бы то ни стало сохранить хрестоматийный глянец. Малейшая попытка выйти к читателю со своим воспринима-

¹ Хатні архіў В. Быкава.

ется покусением, водой на мельницу. Советский партизан — автоматически хороший человек. Но люди были разные и будут разными. И руководствовался писатель своими раздумьями и эмоциями и будет ими руководствоваться, а не инструкциями. Видимо, не по инструктивным партизанским заповедям писал повесть В. Быков. [...]

И не к чему ссылаться на Маркса, что историю делали прекрасные люди. Рядом со Спартакoм работало шмотье, а против Спартака шли достойные люди. И среди рабов и позднейших угнетенных ждали событий, чтобы распустить волю, в разгул свои низменные инстинкты. И почему подлец должен идти обязательно к фашистам? Может, у него такой талант — приспособиться на этой стороне, а, может, просто лень переходить на другую сторону, а, может, он просто и не задумывался над этим, где живу, так и ворочу?

Правильно, Бритвин и Шпак — подонки. Но зачем убеждать, что таких нет. Это давняя история про пожарных: как смеют облик советского пожарного изображать юмористически, клеветнически. Могу подумать, что и я такой забавный, черный. Очень уж хотят те, которые немножко равнее других, чтобы история и литература писались так, как это им нравится. И «Огонек» в лидеры рвется. [...] Чутко ловят: не запахло где нашим? Нелегкая миссия — не пропустить. Не пропустить в свет такой возможностью пока журнал не обладает, но не обругать — здесь карты в обе руки [...].

А на мосту закладывают аммонит в бидон из-под молока. Мы так засыпали, — говорит один партизан. А мы немножко не так, — сказал другой. Они правильнее, по инструкции, — рассудил третий... События развиваются. Софронов подмигнул и какой-то товарищ с кружкой плеснул незаметно воды в аммонит. Но увидели, запротестовали. «ЛГ», сохраняя полную объективность, вынуждена согласиться засыпать новую порцию взрывчатки (принципиально позиция «Огонька» правильна, но нельзя же так наглядно, сдержаннее, коллеги). А в Москве, вынужденные довольствоваться информацией их хорошо осведомленных кругов, ждут окончания следственного эксперимента иностранные корреспонденты... Соблюдая независимость, «ЛГ» невидимо для других опустила в бидон горстку песка... Целый роман нравов и полемики.

Может ли зло именем добра судить зло? Никакой изощренностью добро не получишь из этой операции. Устранение соперника. Вопрос не праздный, жизненный.

*А. Хйр [...]*¹.

Невядома, ці адкажа Быкаў аўтару апошняга ліста, аднак захаваўся наступны яго ліст да А. Хйра:

12 февраля 1970 г.

Дорогой Анатолий Александрович.

«Новый мир» познакомил меня с Вашей рецензией — откликом — «Операция «Круглянский мост». Должен Вам сразу сказать, что Вы написали замечательно — живо, умно, оч[ень] точно, но увы! что может сделать с такого рода материалами «Н. М.», который как Вы, наверно, знаете, уже... но, как «Н. М.», так и автору оч[ень] и оч[ень] приятно от сознания, что есть еще в нашей стране люди — читатели, подобные Вам, и в этих людях все наши надежды. Спасибо им. И Вам.

Дай бог Вам здоровья и душевной бодрости.

С уважением и благодарностью

*В. Быков*².

Тым часам у друку будуць па-ранейшаму зьяўляцца зусім іншыя меркаваньні і зусім іншых аўтараў: «Драма разыгрывается. Но разыгрывается столь заданно, обособленно, что в ней без достаточных мотивировок устраняется все мешающее автору создавать «психологический эксперимент» на тему о подлости. Казалось, отличным знатоком своего

¹ Хатні архіў В. Быкава.

дела был подрывник, командир группы Маслаков. Но он отправляется уничтожать мост без всякой предварительной разведки. Просто так, наобум, на авось. [...] Фактически же убит он здесь потому, что дальше не нужен автору для ситуаций с обострением подлых страстей. Теперь командиром группы становится Бритвин, с самого начала вызывающий учителя неприязнь. [...] В повести сделаны попытки ослабить впечатление от жестокости и подлости Бритвина, приведены рассказы о гуманных партизанах. Попытки эти мало что меняют в ситуации повести. Другие, далекие, погибшие, заслонены извергом Бритвиным и приспособленцем Данилой Шпаком.

Писатель претендует на то, чтобы вся эта маленькая операция казалась достоверной. Но способ выпячивания им Бритвина и Шпака порождает психологическую недостоверность»¹.

«Писатель не только крайне плохо знает и поверхностно изображает жизнь, быт, боевые дела партизан, но вновь повторяет старые ошибки — выдвигает на авансцену людей нечистоплотных, идейно опустошенных. Трусы беспардонно приписывают себе подвиги и славу настоящих героев. [...]

Принцип: пишу о чем хочу, пишу как хочу, оцениваю события и истории так, как сам хочу, — это не только показатель идейной незрелости, но и опасная позиция, явно противоположная социалистическому реализму.

Быкова, как мы уже отмечали, не влечет героика партизанских былей. Он выискивает темные пятна в многотрудных и очень сложных буднях партизан. В повести люди смелые, чистые душой бессмысленно гибнут, а шкурники и захребетники здравствуют. [...]

Представляется весьма к месту привести слова А. Фадеева, сказанные им одному из исследователей романа «Разгром»: «...*Неверно... сделанное Вами противопоставление трудового человека «внизу» человеку «на высоких должностях». Не забывайте, что человек «на высоких должностях» — это тоже трудовой человек на более высокой, трудовой основе.*»

В отдельных произведениях до обидного скупо говорится насчет справедливого характера войны. Слишком мало герои таких произведений думают о том, что они защищают, что дала им Советская власть, чего хотят лишиться их фашисты, и о другом, что составляет область политики, идеологии. [?]

Подобного рода изъян свойственен, в частности, повестям В. Быкова «Атака с ходу» и «Круглянский мост». Целеустремленное воплощение идеи справедливой войны, безусловно, привнесло бы иные, более точные акценты в характеристики героев, в раскрытие их дум и стремлений. Пока же, к сожалению, приходится констатировать, что в той же повести «Круглянский мост» конкретно-историческое исследование нашего гуманизма подменено абстрактными суждениями о полярности добра и зла вообще. Ситуации повести нарочито усложнены, герои поставлены в условия, искусственно запутанные, порой — ложные. [?] Честно говоря, странно даже видеть все это у такого знатока фронтовой жизни, каким является В. Быков, каким он показал себя в особенности в «Третьей ракете», «Фронтовой странице», «Альпийской балладе». [!!] Никому и никогда не следует забывать, что идейно верная и четкая позиция художника — то главное, без чего не может получиться настоящего произведения»².

Між тым крытычныя артыкулы 1968-1969 гг. былі, па сутнасці, заказнымі — аб гэтым сьведчыць наступны фрагмент з ліста Юрыя Бондарова да аўтара «Круглянскага моста»: «Вчера разговаривал с Козловым по поводу его статьи, Вам извест-

¹ Панков В. Минувшее мы вновь переживаем: Заметки о военных мемуарах и военной прозе // Литературная Россия. 1969. 18 июля.

тной. [Козлов И. Подвиг народа вечен // Правда. 1969. 20 июля. — С. Ш.] Объяснил мне, что требовали от него большей решительности, а он пытался смягчить, спустить на тормозах. Ни черта не поймешь, хотя и ясно все! Сказал, что относится к Вам — как к человеку талантливому и высказал сожаление, что не печатают отдельными книгами последние Ваши вещи»¹.

У гэты час Быкаў прызнаецца Валянціну Аскоцкаму: «А пишу я мало, впрямь же намерен еще меньше. Как можно меньше! Потому что уже нет на теле живого места — все избито. Впрочем, не только у меня плохо. Наше издательство окончательно вернуло книжки В. Короткевича, В. Адамчика, М. Стрельцова, А. Карпюка. Я даже и не обращался туда»².

Больш добразычліва пра «Круглянскі мост» і яго аўтара будуць публічна гаварыць толькі ў 70-я гг. — падчас пасяджэння Савету па беларускай літаратуры СП СССР 11 сакавіка 1970 г. у Маскве. Крытык Аляксандр Аўчарэнка, напрыклад, скажа: «К сожалению, приходится отметить недостаточно глубокую разработку психологической стороны характеров в произведениях И. Науменко. [...] Вот этот упрек я вынужден адресовать и другому талантливому писателю — Василию Быкову. [...] ...при очень большом стремлении давать психологически глубокие характеры у него мало подлинно психологических характеров [...].

Я много думал, почему талантливому писателю, умело ведущему душу человека, мало удается раскрывать своеобразие внутреннего рисунка этой души? [...] И мне кажется, что это связано еще тем, что в некоторых произведениях Быкова, интересных произведениях, все-таки очень сильно сказывается задуманность психологической ситуации, в которой раскрываются характеры героев. Я не против любой задуманности, но она при известной идейной неясности, характерной для этого писателя, помножаясь на романтическую природу его таланта, обращается порой в некоторую идейную косоватость. Это как раз и делает произведения писателя художественно уязвимыми. Прошу не рассматривать это как мою солидарность с точкой зрения, развивающейся И. Мотяшовым [...], в частности, в обширной статье «Так что же произошло у круглянского моста?», где он утверждает, что повесть представляет собой искусственную конструкцию, созданную для выражения определенной морально-этической концепции. Мне лично кажется, что такая оценка повести является незаслуженно суровой.

На мой взгляд, повесть «Круглянский мост» свидетельствует о том, что Быков упорно совершенствует свое художественное мастерство, хорошо, с большим знанием описывает повседневность партизанской жизни. Несомненной победой автора является центральный герой повести — несуразный, заеденный чирьями, одетый в старый коричневый венгерский мундир и полицейские штаны, в развалившиеся сапоги партизан Степка Толкач. Это специфический образ, и он вызывает к себе симпатию. Повесть «Круглянский мост» пронизывает правильная и плодотворная мысль: должна же быть на земле справедливость, она существует, она восторжествует. И эта мысль все время варьируется: в нашем великом деле борьбы против фашизма нет другого критерия, кроме справедливости, чистоты, бескомпромиссности. [...]

Конечно, очень важно, что на этот раз пафос произведения носит позитивный характер. Но в литературе любая искусственная заданность — и негативная, и позитивная — равно разрушительны. Тем большей поддержки заслуживает ощущаемая в повести «Круглянский мост» попытка преодолеть ее. Преодолевая ее, писатель выйдет наконец на широкие просторы подлинно масштабного, глубоко художественного творчества, для которого у него есть все данные»¹.

Алесь Асіпенка гаварыў: «Мне особенно больно отношение, которое сегодня сло-

¹ 3 ліста ад 18 верас. 1969 г. Хатні архіў В. Быкава.

жилось к такому писателю, как Василь Быков. Василь Быков писатель определенной темы, я бы сказал даже, определенного направления в литературе. Но когда читаешь критику о нем, то удивляешься, как это люди не замечают основного, того, что характеризует творчество Быкова, — творчество Быкова проникнуто огромной ненавистью к фашизму [...].

И забывается еще одна вещь. Главный герой Василя Быкова даже тогда, когда на него мочится фашист, остается гордым советским человеком. И вот это — главное в творчестве Быкова [...].

И вот, вы сами понимаете, когда появляется не совсем справедливая критика, это как-то выбивает из колеи, не дает возможности писателю работать спокойно. Я не против критики вообще. Критика должна быть доброжелательной, [...] объективной. К сожалению, у нас иногда критика идет от каких-то подходов — так не было, но так должно было быть, об этом не так надо говорить и т. д., и т. д.»².

Сам же Василь Быкаў скажа падчас пасяджэньня: «Я не собирався выступат і считаю, што ўжэ выступілі дастаточна. [...] ...Мой долг сказать нечто другое. Если рассматривать функцию данного Совета некоторым образом как академическую, то, конечно, о белорусской литературе можно говорить очень много. Именно в этой связи несколько непонятна роль других организаций. То ли она существует для того, чтобы некоторым образом подводить какую-то теоретическую основу под процессы, которые происходят в белорусской литературе, то ли имеет какое-то практическое влияние на эти процессы. Потому что вот очень приятно говорить о роли опыта и литературе, опять же и слушать умные речи, но [...] невозможно отделаться от мысли, что в общем все эти разговоры некоторым образом ведутся всуе. Потому что не советы определяют литературу и не наши такого рода разговоры. [...]

... Там сидит т. Карпов, он ничего не сказал [...], что его очередная книжка, которая находилась на последней стадии в издательстве, эта книжка на писательском жаргоне «зарезана». Далее о произведении, о котором много говорили, прозаика Адамовича, которого нет, так как он не издается в Белоруссии последнее время. То есть я хочу сказать, что есть какие-то органы, какие-то люди и в других организациях, и в самих издательствах, которые эти приятные разговоры совершенно игнорируют, и для которых есть какой-то критерий, недостижимый для других. Не знаю, насколько это доходит до них, что мы говорим здесь? Я считаю, что для них совершенно неважно то, о чем здесь говорится. А [...] было бы очень приятно, чтобы каким-то образом наши высказанные здесь мысли [...] влияли на выбор и решение наших издательств, которые больше определяют нашу литературу, чем наши прекраснодушные разговоры. Потому что, насколько я понимаю, наше руководство Союза писателей в этом смысле совершенно беспомощно. Никакие рекомендации для наших издательств Союза писателей не действительны. И я в данном случае обращаюсь к Совету по белорусской литературе в лице его руководства — было бы очень желательно как-то наладить хотя бы какие-то связи»³.

Ужо ў заключным слове Сяргей Баруздын, які старшынстваваў на гэтым пасяджэньні, зробіць даволі аптымістычныя высновы: «Я бы хотел ответить и на выступление т. Быкова. Я думаю, что это вечная проблема, — что писатель предполагает, а издатель располагает. Но я — оптимист, и мне кажется, общественное мнение (а наш Совет — это одна из форм общественного мнения), оно может оказывать влияние и на свинцовую устойчивость издательства.

Моя работа в белорусском Совете показывает, что [...] удавалось в Москве сделать больше, чем делалось бы, если бы белорусский Совет не вмешивался в пропа-

¹ БДАМЛІМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 190, арк. 36-40. Стэнаграма.

² Там жа. арк. 51-52.

ганду літаратуры беларускіх пісателёў. Нам удалося расшырыць і план выдавецтва «Художественная літаратура», і «Советскага пісателя». [...]

Я знаю, што некалькі труднее у вас у Мінску. Но надо обращать не только наше внимание, но и самим проявлять большую активность и находить формы общественного давления на издателей, если они у вас еще больше свинцово устойчивые, чем у нас. [...]

Я могу сказать, что Совет по белорусской литературе обратит внимание на вопросы, которые здесь ставились и на которые вновь обратил внимание т. Быков [...]»².

Да таго ж нейкую рысу пад крытычнымі спрэчкамі 60-х гг. правядзе на VI зьездзе пісьменьнікаў Беларусі (ён адбудзецца 26-27 красавіка 1971 г. у Менску) першы сакратар праўленьня СП Максім Танк, які скажа: «З трыма новымі аповесцямі за час між зьездаў выступіў Васіль Быкаў. Усе яны прысьвечаныя мінулай вайне — «Праклятая вышыня», «Круглянскі мост», «Сотнікаў». [Тэкст прыводзіцца па машынапісу даклада М. Танка; тут і далей курсівам выдзелена тое, што было выкрэсьлена, трэба думаць, самім М. Танкам і таму на пісьменьніцкім зьездзе не прагучала. — С. Ш.]

Як і ў папярэдніх творах, у гэтых аповесцях Быкава цікавяць людзі ў вострых, драматычных, а часта і трагічных сітуацыях. *Трагічны лёс і ў герояў аповесці «Праклятая вышыня», і ў герояў «Сотнікава», выключным драматызмам адзначана аповесць «Круглянскі мост». У гэтых адносінах аповесці разьвіваюць тую асаблівасьць творчай быкаўскай манеры, якая выявілася яшчэ ў першых яго творах.*

Быкаў — пісьменьнік ярка выражанай творчай індывідуальнасьці. Яго стыль ва ўсіх творах — быў і застаўся адзін — вельмі напружанае, эмацыянальна-насычанае апавяданьне, аб выключным, на мяжы між жыцьцём і сьмерцю, моманце ў жыцьці героя. Усе творы Быкава вызначаюцца на рэдкасьць устойлівым стылёвым адзінствам.

Ня ўсё ўдалося В. Быкаву ў апошніх аповесцях. Відаць, многія з крытычных закідаў па аповесцях «Праклятая вышыня» і «Круглянскі мост» былі слушныя. Тым больш радасна адзначаць, што апошняя аповесць Быкава — «Сотнікаў» атрымала станоўчую ацэнку ва ўсесаюзных літаратурных выданьнях.

Але, прызнаючы справядлівасьць паасобных крытычных закідаў у адрас Быкава, мы разам з тым ня можам не адзначаць, што ў той крытыцы, якая ішла ў адрас пісьменьніка, былі і такія абвінавачваньні, з якімі прафесіянальным літаратарам згадзіцца цяжка.

У асобных крытычных артыкулах гаварылася, што пісьменьнік, паказваючы герояў тыпу Брытвіна з «Круглянскага моста», быццам бы такім чынам паклёпнічае на партызанскі рух на Беларусі. Былі і такія, якія фактычна абвінавачвалі пісьменьніка ў тым, што ён паказвае барацьбу ва «уласным акопе» больш, як барацьбу з праціўнікам.

Гэта вельмі сур'ёзныя абвінавачваньні. У якой меры яны справядлівыя?

Як вядома, творы трэба судзіць па законах, выбраных пісьменьнікам. Творы В. Быкава, у прыватнасьці і апошнія аповесці, як правіла, носяць лакальны характар, у аснове кожнай з іх стаіць тая ці іншая канкрэтная праблема. У аповесці «Круглянскі мост», напрыклад, гэта праблема: якія сродкі дазволены для дасягненьня мэты? Брытвін лічыць, што для дасягненьня мэты дазволены любыя сродкі, і ў дасягненьні яе не спыняецца перад подласцю. Усім ладам твора, са сваім юным героем, В. Быкаў гнеўна асуджае філасофію Брытвіна, як несумяшчальную з партызанскай маральлю. Гэта пункт гледжаньня ніяк не разыходзіцца з тым, якога прытрымліваліся народныя мсціўцы.

Вырашаючы канкрэтную праблему, В. Быкаў сваім невялікім творах ня мог і ня

ставіў сабе на мэце даць усеабдымную карціну народнай партызанскай барацьбы, патрабаваць гэтага ад яго твору — думаецца, несправядліва.

Думаецца, што няма падставы рабіць шырокія абагульненьні той крытыкі, якую В. Быкаў дае паводзінам і дзеяньням асобных камандзіраў.

У сувязі з гэтым ёсьць патрэба высвятліць, на колькі ўласьціва тое, што робіць В. Быкаў, вопыту савецкай літаратуры. Азіраючыся назад, мы можам убачыць, што Быкаў у дадзеным выпадку не зьяўляецца пачынальнікам чагосьці незвычайнага, ён прадаўжае традыцыі савецкай літаратуры, якія даўно атрымалі права на існаваньне.

Можна прывесьці шэраг прыкладаў, але мы спынімся на ўсім вядомым факце зьяўленьня ў час вайны такой вострапраблемнай рэчы як «Фронт» А. Карнейчука. У рэчышчы, пракладзеным творам А. Карнейчука, ішло нямала іншых твораў савецкіх пісьменьнікаў ваеннай і пасляваеннай пары. У гэтым рэчышчы знаходзяцца і некаторыя творы В. Быкава.

Адзначаючы гэта, мы зусім ня хочам сказаць, што творы В. Быкава няма за што крытыкаваць, мы гэтым хочам падкрэсьліць неабходнасьць аб'ектыўнай і таварыскай, сапраўды партыйнай, крытыкі. Мы хочам адзначыць, што ў творчасьці В. Быкава адбываюцца зьявы, якія даюць падставы чакаць новых добрых твораў ад гэтага таленавітага прэзаіка»¹.

Дарэчы, у сувязі з гэтым выступленьнем старшыні праўленьня СП БССР Быкаў напіша Аскоцкаму: «Разумеется, мне было приятно читать о том хорошем, что слышится в мой адрес в Москве, но разговоры — они и есть разговоры. Видно, они единственные и оставлены в утешение некоторым (как, напр[имер], я) в то время как серьезные дела делаются без излишних разговоров, путем снятия тел[ефонной] трубки. Я это великолепно чувствую на себе. На нашем недавнем съезде даже в докладе Танка были хорошие слова о моих повестях, была попытка защитить их от такого вот рода критики. Ну и что? — спросишь ты. И ничего. Издатели читают на такие вот доклады, они издают с помощью тел[ефонных] трубок. Трубочка, она все знает и все затруднения разрешает в течение 2—3 минут. Телефон-то почти к господу богу.

Впрочем, бог с ними. Я ничего не прошу, ни о чем не ходатайствую. Я бы хотел лишь одного — еще кое-что написать...»².

У той па-ранейшаму цяжкі для гарадзенскага пісьменьніка час Твардоўскі зноў «устно и письменно» падтрымае яго. Аляксандр Трыфанавіч ня толькі «стойко нес нелегкий редакторский крест», але нават прапанаваў Быкаву «материальную (денежную) помощь в виде заключения договоров на написание произведения любого жанра», хоць Васілю Уладзіміравічу «не пришлось воспользоваться этим любезным предложением, хотя такая надобность появлялась нередко»³. Сапраўды, Твардоўскі пісаў у адным з лістоў: «...мы готовы заключить с Вами договор на любую Вашу затею по первому предложению (все же это про черный день некая толика деньжонок)»⁴. Да таго ж 8 кастрычніка 1969 г. з Масквы ў Гродна прыйдзе тэлеграма з вельмі лаканічным і красамоўным тэкстам: «Дорогой Василий Владимирович надеемся что вы не смущены новой попыткой обрушить на вас волну несправедливых упреков тчк будьте тверды тчк все минется правда останется обнимаем вас Твардовский Кондратович Хитров»⁵. Гэтыя словы — «Все минется, правда останется» — Твардоўскі адрасуе Быкаву ў 1969 г. у двух пасланьнях — у першамайскай паштоўцы і ў прыведзенай вышэй тэлеграме; гэтая акалічнасьць стане пасля прычынай бльтаніны: прыгадваючы словы Твардоўскага, якія былі напісаныя быццам толькі аднойчы, літаратуразнаўцы будучы

¹ БДАМЛІМ. Ф. 78, воп. 1, адз. зах. 200, арк. 36-39.

² 3 ліста ад 24 мая 1971 г. Галоўнае архіўнае ўпраўленьне г. Масквы, ЦМАМАЗ.

³ Быков В. Мертвым — не больно, больно — живым // Нёман. 1992. № 1. С. 145.

⁴ ДМГБЛ. КП 10735/793.

спасылацца то на тэлеграму, то на паштоўку. Аляксей жа Кандратовіч пакінуў цікавае сьведчаньне, якім менавіта чынам Аляксандр Трыфанавіч зрабіў гэты запіс: «Шла подпись поздравительных открыток авторам к очередному празднику. Твардовский крайне резко относился к безымянным почтовым поздравлениям. «Что они мне прислали законвертованное секретарем поздравление! — возмущался он не раз. — И считают, что поздравили с праздником? Нет, не поздравили, а показали полное равнодушие и ко мне, и к празднику!» И сам перед каждым большим праздником садился, окружал себя работниками редакции и подписывал письма, открытки. Там, где ему казалось необходимым, вписывал от себя особое поздравление, иногда шутливое двустушие, в другом случае вполне серьезные слова ободрения, привета.

Дойдя до Быкова, Твардовский востепенел:

— Нет, ему нельзя отсылать простую нашу открыточку: ему, бедняге, достается и во многом из-за нас (Твардовский имел в виду несколько критических статей, появившихся в то время. В них последние вещи Быкова были одной из главных мишеней).

Твардовский снял очки, отложил в сторону перо. Задумался и вдруг, как это у него бывало во время вспышки озорного настроения, — значит, пришла счастливая уверенность, победная мысль, — размашисто написал что-то на открытке.

— Что вы там написали? — спросили мы, видя, что Твардовскому нравится то, что он написал.

— А ничего, — хитро улыбнулся он. — Ничего, кроме правды. — И, согнав с лица улыбку, со значением сказал: — «Все минет, правда останется», — вот что я ему написал. И, между прочим, так оно и будет.

Я слышал потом от Быкова, какое большое впечатление произвели на него эти ободряющие слова Твардовского¹.

Сапраўды, Васіль Уладзіміравіч пазьней прызнаецца: «Разумеется, было нелегко. Град безапелляционных критических приговоров не оставлял сомнения в полнейшем крахе, чувство стыда и уязвленного самолюбия вызывало желание уйти в себя, замкнуться, обособиться от людей — пережить неудачу терпеливо и молча. Обстоятельства толкали к пересмотру своих собственных творческих возможностей, подмывало усомниться в самом жизненном опыте, который сослужил столь предательскую службу автору. И без того незавидное положение усугублялось еще и тем обстоятельством, что добрая половина критических залпов приходилась по журналу, с известным риском опубликовавшему незадачливое произведение и выдавшему известный аванс доверия тому, кто теперь так подвел всех. Это последнее угнетало больше всего. При всей готовности терпеливо влачить свой крест неудач, недоставало мужества видеть его на плечах тех, кто в чем-то переплатил тебе и теперь расплачивался хотя и не новым в литературе, но всегда чувствительным образом.

Наверно, следовало бы написать, может быть, объяснить что-то и извиниться, — в конце концов, общие интересы литературы всегда важнее личных терзаний автора. Но извиниться означало признать неправоту, свое фиаско и, может быть, бросить тень на искренность своих намерений, которые тем не менее упрямо не хотели поступаться малейшей толикой своей искренности. Намерения были самые лучшие, и они страдали больше всего. Да и опыт оказался ни при чем. Опыт был самый обыкновенный, солдатский, каким обладали многие тысячи, если не миллионы, рядовых участников войны, теперь довольно единодушно свидетельствовавшие автору свою солидарность. Это была большая поддержка, дававшая какие-то крохи надежды на то, что, возможно, еще и не все потеряно. Возможно, налицо перекося, авторский или критический, возможно, кто-то кого-то недопонял, возможно, наступит переоценка.

Но шло время, переоценка не наступала, а критические залпы всевозможных

¹ Кондратович А. «Ровесник любому поколению»: Документальная повесть. М: Современник, 1984. С. 204—205.

калибров грозили незадачливому автору совершенно стереть его с литературного лица земли.

И вот в такие минуты горестных уныний, как раз в канун майских праздников, пришел из Москвы небольшой конверт с редакционным грифом снаружи и поздравительной открыткой внутри — обычное редакционное послание автору перед праздником, несколько напечатанных на машинке строчек с выражением привета, ниже которых характерным угловатым почерком было дописано:

«ВСЕ МИНЕТСЯ, А ПРАВДА ОСТАНЕТСЯ.

А. ТВАРДОВСКИЙ».

Не знаю, может, во всем этом и впрямь не содержалось ничего необычного, возможно, все это обычный жест вежливости, но для меня в тот момент эта строчка огненными буквами засияла на небосклоне, сверкнула призывным лучом маяка, вещавшим заблудшему путнику о его спасении. Действительно, как это просто! Время идет своим, не подвластным никому в мире ходом, оно хоронит династии, ровняет с лицом земли города, создает и разрушает цивилизации, одинаково расправляясь с ничтожествами и с великими мира сего, кончает с одними эпохами и начинает другие. Время безостановочно правит и судит, и ничто сущее под луной не в состоянии избежать его неумолимого приговора и в конце концов обращается в прах. Но правда ему неподвластна, и пока жив хоть один человек на свете, не исчезнет в мире жгучая необходимость в правде, неизменно освещающей человеку и человечеству запутанный лабиринт его бытия, указующий ему путь к свободе и лучшему будущему. С правдой возможно все, без нее невозможно ничто. Без правды нет движения, без нее лишь застой, гибель, тлен... [...]

Не скажу, что эти слова разрешили для меня все и ото всего освободили, но все же какой-то значительный груз спал с моих плеч. Это было утешение, и я с радостью принял протянутую мне руку поддержки — тем более такую руку! Как при вспышке молнии, в темени явственно обнаружился ориентир, который я, ослепленный и растерянный, готов был потерять в гроыхании критических залпов. Он дал мне возможность выстоять в самый мой трудный час, пошатнувшись, вновь обрести себя и остаться собой»¹.

Гэтыя чатыры словы Твардоўскага былі прарочымі. Недарма Ігар Дзядкоў рэзюмуе: «Прошло время. Вразумляющее и обучающее нас время. Книги, казавшиеся кому-то 15—20 лет назад чересчур приземленными, ограниченными «окопным кругозором», унылыми и мрачными, переиздаются снова и снова. Признано, что с них начался «повторный военный цикл», «вторая», или «новая волна» советской военной прозы. Уже даже странно, что столько опасений и кривотолков вызвали именно эти реалистические повести с их поразительной нравственной чистотой и человечностью, с их живым патриотическим чувством. С их верой в наш народ и в то, что жертвы его не напрасны. Это были повести, вобравшие сложный, противоречивый, зачастую безрадостный и трагический материал военной действительности, но они ни в чем не оскорбили памяти погибших, достоинства нашей страны и ее армии»².

Праця будзе.

¹ Быков В. Колокола Хатыни. М.: Правда, 1987. С. 55-57.

² Дедков И. Василь Быков: Повесть о человеке, который выстоял. М.: Советский писатель, 1990. С. 28-29.